

оригиналов документов, извлеченных из архивов концлагерей, и многочисленных свидетельств оно пришло к заключению, что проводилось по крайней мере 11 типов опытов, в том числе эксперименты на выживаемость человека на большой высоте, при низком давлении, при замораживании, в случае заражения малярией, опыты по регенерации и трансплантации костей, стерилизации, а также опыты с тифом.

После процесса над врачами-нацистами был разработан «Нюрнбергский кодекс», устанавливающий основные правила и этические нормы, при соблюдении которых допускается проведение опытов на людях. В последней главе своей книги исследователи стремятся показать, как «Нюрнбергский кодекс» повлиял на последующее развитие международного права американского права, а также на современные исследования в медицине.

Напомним, что после процесса над врачами-нацистами, МККК, выступая с 1960 по 1970 год в качестве нейтрального посредника между Федеративной Республикой Германии, с одной стороны, и Польшей и Венгрией, не имевших в то время дипломатических отношений с ФРГ, — с другой, встал на защиту интересов поляков и венгров, над которыми проводились псевдомедицинские опыты в нацистских концлагерях и которые через МККК получили от ФРГ компенсацию, предназначенную для улучшения их участи.

С 1961 по 1972 год по решению созданной МККК Нейтральной комиссии, которая сочла обоснованными 1701 заявление, поданное лицами, пострадавшими в результате проводившихся над ними псевдомедицинских опытов, и им была выплачена компенсация в размере 50 845 000 немецких марок. Однако в 1972 году многие заявления, поступившие от польских граждан, еще не были рассмотрены Нейтральной комиссией, когда 16 ноября 1972 года в штаб-квартире МККК представители Федеративной Республики Германии и Польской Народной Республики подписали соглашение о возмещении ущерба лицам, пострадавшим в результате псевдомедицинских опытов, которые проводились над ними в нацистских концлагерях во время Второй мировой войны. В соответствии с этим соглашением правительство ФРГ выплатило польскому правительству 100 млн. немецких марок. Эта сумма предназначалась жертвам псевдомедицинских опытов, которые еще не получили материальной компенсации¹.

Франсуаза Перрэ

LAW AND WAR SINCE 1945

Право и война после 1945 года

Английский историк Джеффри Бест опубликовал книгу, которая обогащает нас новыми знаниями о войне как явлении и об ограничениях, налагаемых на нее

¹ См.: En faveur des victimes d'expérimentation pseudo-médicale — L'action du CICR. — RICR, No. 649, janvier 1973, pp. 5—25.

правом. В этой книге под названием «War and Law Since 1945»¹ автор анализирует взаимоотношения, существующие между цивилизацией и войной. Он исходит из принципа, что цивилизация всегда стремится наложить определенные ограничения на применение насилия во время войны, чтобы свести к минимуму людские потери и ущерб, наносимый гражданскому имуществу. Исследователя особенно интересует вопрос: действительно ли правовые ограничения оказывают сдерживающее влияние на ведение боевых действий, делают менее жестокими военные операции и действительно защищают от насилия лиц, страдающих в результате этих военных действий? Другими словами, он хочет выяснить, в какой степени применяются на практике нормы международного гуманитарного права.

Публикация Джеффри Беста — не первая работа автора в области международного гуманитарного права. Так, в своей книге «Humanity in Warfare. The Modern History of the International Law of Armed Conflicts» (Лондон, 1980 год) (Гуманность при ведении войны. Современная история международного права вооруженных конфликтов) автор уже заложил основы более глубокого исследования международного гуманитарного права, нежели анализ норм существующих текстов. Начав с философии эпохи Просвещения в Европе, Бест изложил в этой первой своей работе недавнюю историю международного гуманитарного права. На 400-х страницах книги «Право и война после 1945 года» автор продолжает исследовать вопросы, связанные с местом международного гуманитарного права в истории, делает более глубокий анализ последних этапов развития этой отрасли права и заставляет по-новому взглянуть на действующие сегодня положения. Его многочисленные ссылки на события военной истории и истории вообще, а также богатый фактический материал делают книгу очень интересной для читателей. Бест называет себя историком права войны, задача которого состоит в том, чтобы как можно лучше объяснить происходящие явления. Он сознательно не причисляет себя к юристам, которые, по его мнению, узко и однобоко подходят к МГП. Автор преднамеренно обращается к читателю неискушенному и проявляющему непрофессиональный интерес к этому предмету, ему он и рассказывает о реально существующем международном гуманитарном праве.

В первой части книги автор сообщает интересные сведения из истории возникновения МГП, подготавливая читателя к рассказу о современном международном гуманитарном праве. От идей Жана Жака Руссо до описания Нюрнбергского и Токийского судебных процессов над военными преступниками — таков круг освещаемых исследователем вопросов. Достаточно упомянуть одну из тем, разрабатываемых автором: Бест сообщает читателю, что действующие нормы международного гуманитарного права являются почти исключительно продуктом европейской и средиземноморской цивилизаций. Несмотря на то, что эта тщательно разработанная юридическая система зародилась в одном регионе мира, она смогла завоевать весь мир. Это объясняется тем, что идеи и принципы, на которых основываются нормы МГП, не могут быть чуждыми другим культурам

1 Geoffrey Best. War and Law Since 1945. Clarendon Press, Oxford, 1994, 434 pp.

и цивилизациям и содержат в себе ответы на вопросы, которые повсюду ставятся одинаково (или, по крайней мере, почти одинаково): как ограничить насилие во время войны для обеспечения выживания людей.

Книга Беста посвящена в основном развитию права после Второй мировой войны: часть II так и называется — «Восстановление права войны после Второй мировой войны», в ней рассказывается о разработке четырех Женевских конвенций 1949 года; часть III — «Право вооруженных конфликтов после 1950 года» — посвящена в основном Дополнительным протоколам 1977 года. Завершение Второй мировой войны привело к многочисленным изменениям в МГП, и автор помогает нам увидеть складывающуюся картину. Речь, в частности, идет о таких важнейших событиях и явлениях, как создание Организации Объединенных Наций и принятие ее Устава — основного закона международного сообщества, все возрастающее требование обеспечивать действенную международную защиту прав человека, Нюрнбергский и Токийский процессы над военными преступниками, переработка текстов соглашений по международному гуманитарному праву путем принятия Женевских конвенций 1949 года и т. д. Было бы неразумно считать, что эти события не взаимосвязаны, и об этом взаимном влиянии автор увлекательно рассказывает. Он, в частности, очень доходчиво объясняет взаимосвязь между нормами, обеспечивающими защиту прав человека, и положениями международного гуманитарного права. Бест говорит о взаимодополняемости этих двух систем, преследующих одну и ту же цель — защитить человека в *экстремальной ситуации*. Как известно, в статье 3, общей для четырех Женевских конвенций, ясно и четко закрепляется этот принцип взаимодополняемости, с убедительностью приобретающий законную силу. В качестве отрицательного примера автор приводит статью 5 IV Женевской конвенции, в которой не учитываются самые *элементарные требования* в области защиты прав человека, так как на оккупированной территории разрешается содержать лиц, находящихся под покровительством Конвенции, в полной изоляции, лишив их права на связь с внешним миром. И это несмотря на то, что еще так свежа была память о трагедии Второй мировой войны, когда совершались подобные недопустимые действия. Читатель знакомится с некоторыми из причин этой оплошности, допущенной законодателями в 1949 году.

Оглавление двух основных разделов книги Беста читается как список юридических вопросов, которые вновь и вновь возникают, когда дело доходит до выполнения международного гуманитарного права. Неискушенный читатель узнает много нового не только о самих нормах МГП, но прежде всего о проблемах практического характера, возникающих в случае применения этих норм в реальной жизни. Рассматривая эту сторону вопроса, автор оперирует весьма богатым фактическим материалом, касающимся Второй мировой войны, а также войны в Персидском заливе. Юристы, занимающиеся международным гуманитарным правом, несомненно, с интересом отнесутся к предлагаемой интерпретации различных вопросов, но не узнают практически ничего нового о Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах. Бест выступает активным защитником разделяемых многими взглядов на основные вопросы, возникающие в связи

с этими шестью договорами по МГП и нормами обычного права. Но работа обогащает вас новыми знаниями и оставляет сильное впечатление: прочтите хотя бы отрывок, посвященный запрету вероломных действий, — он прекрасно иллюстрирует подход автора, который видит больше, чем юрист.

Однако специалист по международному гуманитарному праву может иногда задаваться вопросом, действительно ли столь широкий подход, о котором так часто говорится, означает столь же большое количество новых идей. Не слишком ли часто, может усомниться он, мы с «пониманием» относимся к определенным явлениям, просто оправдывая тем самым *существующее положение* вещей. Достаточно привести в качестве примера неудачный комментарий автора по поводу Конвенции ООН о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия. Вряд ли можно назвать этот договор сколько-нибудь действенным средством против таких ужасных по своим последствиям для человека методов ведения войны, как применение противопехотных мин. Специалиста также удивит поверхностная характеристика и отрицательная оценка Дополнительного протокола II 1977 года, касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Не потерял ли автор политико-исторического видения проблемы, говоря о неудовлетворительности этого документа только лишь потому, что в нем недостаточно конкретных правил? Не стал ли Протокол II под давлением политиков гуманитарным соглашением, принятым на основе консенсуса, которое как раз в силу его простоты и может соблюдаться всеми сторонами, участвующими в гражданской войне?

Новая работа Джеффри Беста дает достаточно пищи для размышлений тем, кто интересуется международным гуманитарным правом, и стоит того, чтобы с ней ознакомился широкий круг читателей.

Ганс-Петер Гассер

LA CRISE DU GOLFE

De l'interdiction a l'autorisation du recours a la force¹ (Кризис в Персидском заливе. От запрета на применение силы к его разрешению)

В основу работы господина Сайега положена его докторская диссертация по праву, которую он защищал вскоре после войны в Персидском заливе. Диссертация была посвящена не «войне», а «кризису», что может сразу же вызвать удивление у юристов, привыкших иметь дело с иными понятиями. Однако автор сознательно сделал этот выбор. Весьма полезным оказалось для него знание араб-

¹ *Selim Sayegh. La crise du Golfe: De l'interdiction à l'autorisation du recours à la force. Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, Paris, 1993, 544 pp.*